

ПРИЧАСТИЕ *НА –А ЭЛЕК* В РОЛИ ЗАВИСИМОГО СКАЗУЕМОГО В СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНЕНИЯ

В статье описывается использование инфинитивной формы еще не совершившегося действия в составе полипредикативных сравнительных конструкций.

Наряду с другими типами полипредикативных предложений причастные формы *на – а элек* функционируют в качестве зависимых сказуемых в подчиненных предикативных единицах со сравнительным значением. Как показывает когнитивный подход к изучению языка, сравнительные синтаксические конструкции играют большую роль в участии языка в таких процессах: практически все познается с применением сравнительных приемов. В тюркологии вопросам описания синтаксических коммуникативных конструкций сравнения посвящены работы таких исследователей, как М.Мукарамов, И.Н.Абдуллаев, Н.Зуфарова, Ю.И.Васильев и др. На материале русского языка такие конструкции описаны в работах М.И.Черемисиной, Н.А.Широковой ср., например: Черемисина 1976.

В своем исследовании мы опираемся на положения указанных авторов и рассматриваем полипредикативные конструкции со сравнительной зависимой частью в качестве одного из важных способов выражения синтаксических концептов сравнения в тюркских, в частности, кыргызском языке. Такие полипредикативные конструкции выражают сравнительные отношения между двумя ситуациями или событиями. Событие, описываемое в главной предикативной единице, называется нами референтом сравнения и является позитивным компонентом всей сравнительной конструкции в целом. Ситуация, изображаемая в зависимой предикативной единице, интерпретируется нами в качестве эталона сравнения и служит компаративным компонентом полипредикативного предложения как сравнительной конструкции.

В контексте данной нашей работы для нас особый интерес представляет именно компаративный компонент, в структуре которого мы выделяем две составные части: показатель сравнения как важнейший компонент всей сравнительной конструкции полипредикативного типа и собственно эталон сравнения.

В сложных полипредикативных предложениях со сравнительной зависимой частью причастная форма *на –а элек* называет еще не совершившееся действие в качестве эталона сравнения, с которым сопоставляется действие или событие, выраженное сказуемым главной предикативной единицы [с. 107]. Например:

Биздин үй бүлө да Дүйшөнаалыны мурда көрө электей бүткөн боюна кадала карап жаттык (СО Т110).

Мы тоже смотрел на Дюшаналы так, как будто раньше его не видели.

Сравнительный характер синтаксической зависимости подчиненной предикативной единицы, в которой причастная форма *на –а элек* является сказуемым, достигается вследствие присоединения к самому причастию аффикса уподобления в фонетическом варианте *–тей*. Следовательно, цепочка морфем, составленная из аффикса слитного деепричастия *–а*, служебного слова *элек* и аффикса *–тей*, и является показателем сравнения всей полипредикативной сложной конструкции.

Посредством указанного показателя сравнения выражен и сам факт синтаксической подчиненности зависимой предикативной единицы.

Для языков кыпчакской группы тюркских языков, к которым мы относим и современный кыргызский язык, безусловно, больше характерен именно синтетический (плюс аналитико-синтетический подтип) полипредика-тивных синтаксических конструкций. В этих языках, по сути, союзные средства в подлинном смысле, можно сказать, играют типологически очень несущественную роль. Главной отличительной чертой полипредика-тивных (сложных) предложений синтетического и аналитико-синтетического типов является то обстоятельство, что здесь иерархия и отличие предикативных единиц представлено намного отчетливее, чем в языках неагглютинативного типа. В таких конструкциях по подобию простого предложения организуется лишь главная предикативная единица, которая линейно всегда располагается в конце полипредикативного предложения. Зависимые предикативные единицы таких сложных полипредика-тивных предложений являются не самостоятельными изнутри, в силу специфической организации зависимых предикативных узлов, которые непременно включают в себя показатель синтаксической связи и характер содержательных отношений. По этой причине такие сложные предложения не так отчетливо, как, скажем, в русском или английском языках, противостоят простому предложению. По этой же причине отдельные авторы трактуют такие полипредикативные предложения в качестве простых с «развернутыми оборотами». И, наконец, по этой же причине в системе тюркского синтаксиса более релевантными становятся различия внутренней организации коммуникативно достаточных и коммуникативно недостаточных предикативных единиц (с финитными и инфинитными формами зависимого сказуемого).

Говоря в общем, мы можем констатировать, что для тюркских языков типичны такие полипредикативные предложения, зависимые предикативные единицы которых после элиминации показателя синтаксической связи, включающего, помимо прочего, и причастный аффикс, не являются правильными простыми предложениями. Это, по сути, «основы» предложений. Например:

Балдар кел= генде, чогулуш башталды

Ребенок/мн.ч. приходит/прич. на –ган/лок. собрание/ном. начинаться/пр.на –ды

Когда дети пришли, началось собрание

Здесь зависимым сказуемым является причастие на –ган в форме локатива (местного падежа). Она выражает общую соотнесенность двух событий во времени. Оба события локализируются в плане абсолютного прошедшего времени. А теперь проведем маленький лингвистический эксперимент и лишим сказуемое зависимой предикативной единицы цепочки формантов –ган/-да, являющейся показателем синтаксической связи, т. е. функциональным аналогом традиционного союза. Можем ли мы глагольную основу *кел* назвать конструктивным членом данного сложного предложения? Явно нет.

Какие закономерности демонстрирует данный пример? Приведенный пример наглядно показывает, что зависимая предикативная единица в тюркских языках организуется по другому принципу, чем свободные простые предложения. По этой веской причине вольно или невольно в теории синтаксиса сложного предложения тюркских языков на передний план закономерно выдвигается актуальная задача концептуального описания специфической организации зависимых предикативных единиц в составе полипредикативных предложений синтетического и аналитико-синтетического типов. Такая типологически значимая специфика выпукло репрезентирует своеобразный механизм зависимой предикации, который основывается на функциональных возможностях и предназначении причастий в тюркских языках и который, по существу, определяет весь строй сложного предложения в этих языках [5]. Не уяснив механизм зависимой предикации, практически невозможно как адекватно исследовать типологию

сложного предложения в тюркских языках, так и до конца осмыслить грамматическую природу причастий в качестве глагольных форм.

Исходя из типологических особенностей тюркских языков, зависимой предикацией, вслед за М.И.Черемисиной, мы называем «особый синтаксический механизм, который обеспечивает формальное своеобразие зависимых звеньев полипредикативных конструкций по сравнению с главными и простыми свободными предложениями» [5, с. 42].

Суть зависимой предикации заключается в том, что предикативный узел зависимой предикативной единицы строится по несколько другому принципу, чем в простом предложении. Обращение к предикативному узлу обнаруживает его сложную синтаксическую природу как со стороны структуры, так и со стороны семантики. В организации зависимого предикативного узла принимают участие различные частные синтаксические механизмы. Отсюда и многоаспектность проявления специфики зависимых предикативных узлов, и прежде всего, в связи со своеобразием выражения как предиката, так и субъекта. Определяющим, конечно же, является предикатный аспект обсуждаемого синтаксического механизма. В этом смысле многократно возрастает значимость особенностей формоизменения причастий как морфологической базы зависимого сказуемого, поскольку именно это формоизменение, по сути, и составляет предикатный аспект механизма подчиненной предикации. И действительно, формальное своеобразие сказуемых зависимой предикативной единицы в системе сложного предложения тюркских языков обусловлено использованием в данной роли так называемых инфинитных форм глагола, или «неконечных сказуемых», среди которых центральное место в тюркских языках принадлежит причастиям.

Как уже нами отмечалось, причастные инфинитные формы, в число которых входит и интересующая нас форма *на –а элек* в современном кыргызском языке, в тюркских языках некорректно называть неличными формами глагола. Хотя и нерегулярно, но довольно последовательно причастное зависимое сказуемое принимает личное оформление по лично-притяжательному типу склонения. Поэтому мы, ориентируясь прежде всего на функционально-синтаксический критерий, будем называть причастными инфинитными (неконечными) формами такие глагольные формы, которые используются в языке в роли зависимых сказуемых сложного предложения (полипредикативных конструкций) независимо от того, регулярно или нерегулярно они принимают лично-притяжательное оформление, т.е. спрягаются.

Литература:

1. Абдуллаев С. Н. Причастие еще не совершившегося действия в роли зависимого предиката // Структурные и функциональные типы сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1982. - С. 96-110.
2. Строй уйгурского языка. – Алма-Ата: Наука, 1989.
3. Полипредикативные конструкции и их морфологическая база в языках разных систем. –Новосибирск, 1981.
4. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции в русском языке. -М., 1976.
5. Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. - Новосибирск, 1979.